

«Ася, душечка, браво, браво!.. Каким языком сердца всё это написано...»¹, – писал Борис Пастернак после прочтения «Воспоминаний» Анастасии Цветаевой. Эти замечательные слова как нельзя лучше передают первый восторг читателя, буквально «проглотившего» книгу. Она написана живо и увлекательно и, как сказал Б. Пастернак, «дышит почти восстановленным жаром <тех>дней» (877).

Впервые отрывки из «Воспоминаний» были напечатаны в журнале «Новый мир» в 1966 году. С большими трудностями появилось первое издание книги в 1971 году в издательстве «Советский писатель». И это было вторым рождением писательницы Анастасии Ивановны Цветаевой (после ранних публикаций 1915-1916 гг.).

История выпуска «Воспоминаний» была крайне сложной, что отражено в переписке Анастасии Ивановны с Антокольским. Но известность пришла сразу и надолго. За этим последовало несколько переизданий (1974 года, 1983-го, дополнительный тираж в 1984 и 1995-го года). Пятое издание вышло в 2003 году. Каждое новое издание дополнялось новыми страницами, давно хранившимися в архиве автора, но которые по цензурным соображениям времени не могли быть напечатаны раньше. Бессменный редактор четырех изданий книги, Маэль Исаевна Фейнберг незадолго до смерти в интервью призналась, что эта книга – «замечательная русская проза... Я предрекала „Воспоминаниям“ огромный успех дома и за границей и счастлива, что оказалась права» (878).

Творческий путь Анастасии Ивановны Цветаевой оказался трудным и прерывистым. Дочь талантливых родителей: отец – Иван Владимирович Цветаев, профессор изящных искусств, основатель Музея изобразительных искусств в Москве; мать – Мария Александровна Мейн, одарённая пианистка, в совершенстве владевшая четырьмя языками, одна из самых образованных женщин своего времени. Если от отца Анастасия, как и Марина, унаследовала необыкновенную работоспособность и самодисциплину, то от матери – особое музыкально-тонкое отношение к прошлому, гордость и нежность к жизни настоящей, «вчувствованность развитой, разветвлённо-чуткой души»². Конечно, близость к старшей сестре, Марине, во многом повлияла на Анастасию, меняя, в чём-то подчиняя себе внутренний мир младшей.

Уже с раннего детства Цветаева ведёт дневник, который положит начало её творчеству. В 1915 году в печати появляется её первая книга – «Королевские размышления». Это попытка философского осмысления жизни, сопротивление безнадежности и отчаянию молодости. Познакомившись с рукописью «Королевских размышлений», к двадцатилетней Анастасии Цветаевой приехал известный уже тогда философ Лев Шестов. «Ваша книга не совсем верно названа, – сказал мне тогда Шестов, – это ещё не „Королевские размышления“». Было бы вернее назвать её размышлениями королевского пажа... Вы молоды, вы позднее поймёте мои слова. Я бы хотел, чтобы ваша рукопись стала известна России, и я предлагаю вам письмо моё о ней в любой толстый журнал. Её должны прочесть все!» (585). Но с юношеским пылом Анастасия отказывается от такого предложения, предпочитая войти в литературу самостоятельно. И уже через год, в 1916, появляется её новая книга «Дым, дым и дым...», посвящённая сестре, Марине Цветаевой. В предисловии она пишет: «Выпуская в свет мою вторую книгу, я заранее, объясню, что это – вовсе не мой дневник, как сказали ошибочно про мою первую книгу. То были мои мысли, а это – мои всевозможные чувства...»³. Уже в первых двух книгах ярко выражено эмоционально-внимательное, пристальное гля-

дывание писательницы в свой внутренний мир. Любая деталь, бытовая или природная, любое слово, услышанное, прочитанное или сказанное, каждая встреча с близкими и незнакомыми, – всё осмысливается, включается в богатый внутренний мир, принимается романтично-увлечённо или уверенно-вдохновенно отклоняется как чуждое и неинтересное. Анастасия Цветаева решает «последние вопросы», атеистически безнадежно и в то же время с весёлой дерзостью смотря на окружающий мир. Особенно во второй книге она часто возвращается к своему детству, буквально боготворя ту атмосферу счастья и радости, которая царил в доме и на даче до смерти матери. Позже многие страницы из этой книги, а скорее, это страницы дневников, войдут и в текст «Воспоминаний».

Начавшаяся война, гибель от перитонита второго мужа, Маврикия Александровича Минца, в 1917 году и через несколько месяцев в Крыму от дизентерии младшего сына Алексея, разруха, голод, поиски работы, попытки просто выжить и спасти старшего сына Андрея, надолго отвлекли Анастасию Ивановну от творчества. Видимо, в это время она продолжает писать дневники, создаёт удивительные фантастически-бытовые сказки уже в 20-е годы, делает наброски к двум романам, но всё это пропадёт при аресте. Дважды арестованная, побывав в лагерях и ссылке, она сумела не только вернуться в жизнь, но и возобновить литературное творчество. Помимо «Воспоминаний» в последнее время были опубликованы её рассказы, по большей части тоже мемуарного жанра, о её жизни в ссылке («Моя Сибирь»), уникальный роман «Атом», написанный в сталинском лагере на папиросной бумаге, которую писательница передавала через вольнонаёмных на волю, музыкальная повесть «Сказ о звонаре московском» (её, кстати, высоко оценил Шостакович); множество очерков, коротеньких зарисовок из своей нелёгкой, но насыщенной чудесами жизни.

И всё же известна Анастасия Ивановна больше именно как сестра Марины Цветаевой, как автор уникальных воспоминаний о ней, о времени их детства, отрочества и юности. К сожалению, специальных работ, посвященных её творчеству, всё ещё нет. После публикации «Воспоминаний» последовало несколько статей в различных журналах.

В первой же рецензии на книгу Антокольский пишет: «Перед нами удивительная, вдохновенная книга: проза, насыщенная электричеством памяти»⁴. Он отмечает «высокий лиризм» и «реалистически точное исследование души». Сравнивая творчество сестёр, критик отмечает, что «у них обеих одинаково владение ритмом времени музыкального, нерасторжимого со временем историческим».

А вот на различие сестёр точно указывает Ирма Кудрова, известный цветаевед: «Марину раздражает быт, Ася его не замечает. Марина вспыльчива, Ася легка; Марина замкнуто и ревниво оберегает „единичие чувств“, Асе же просто необходимо разделить радость и горе с другими»⁵. И в этой же статье исследовательница замечает, что «иному читателю она <книга> покажется несколько... старомодной, что ли. Да, так писали в начале века». Но это огромное достоинство книги, так как именно в «неподогнанности фактов, чувств, стиля под принятые сегодня стандарты вкуса» выявляется неповторимая особенность Цветаевских воспоминаний.

На уникальность этой книги указывает и Станислав Айдиня, литературный секретарь и редактор Анастасии Ивановны: «Мемуары А.И. Цветаевой в русской художественной культуре явление совершенно особенное. В них явь духовно-тонка, часто – импрессионнистически-живописна. Прошлое мастерски приближено чутким видением еле уловимых оттенков чувств, лиц, красок...»⁶.

Особенно хочется отметить рецензию Урбана уже на третье издание книги⁷. На наш взгляд, критик верно подмечает не только основную интонацию «Воспоминаний» – «жестокую искренность, с которой Анастасия Цветаева рассказывает о себе, о своих друзьях и близких, о сестре», но и основной метод *на- и описания*: Анастасия Ивановна «берёт на себя смелость посмотреть на них, <героев> изнутри, раскрыть парадоксальную логику их духовной жизни. Она даёт свою версию, свою интерпретацию, свою эмоциональную оценку». То есть за фактографическим текстом сквозит и особый «внутренний сюжет» повествования. Отталкиваясь от истории, хронологии, реальных встреч и событий, писательница стремится раскрыть внутреннюю подоплёку происходящего: конфликтов, взаимоотношений и поступков. Её «Воспоминания» – словно волшебная музыкальная шкатулка, открыв которую, можно услышать и увидеть удивительно красочный, философски насыщенный и радужно-цветной мир.

Данная работа будет посвящена именно такому «открытию» этой книги. Будет сделана попытка показать «двойственность» образа автора как взаимодействие автобиографического героя с сестрой-близнецом (1 глава). Благодаря такому «двойному взгляду» модифицируется жанр мемуаров (2 глава), усиливается начало психологического романа с его исследованием внутреннего мира героя (в данном случае – Марины и себя) (3 глава).

Анастасия Цветаева видит окружающий мир в его целостности. Отдельные предметы прошлого одухотворяются во времени, они обретают свою историю, становятся частью внутреннего мира автора, не фоном, но содержанием единого пространства текста «Воспоминаний». Поэтому представляется важным рассмотреть в отдельной главе некоторые детали-символы «вещного пространства» писательницы и как «сверхединицу» бытового окружения – Дом её детства и юности (4 глава). В последней главе предполагается объяснить на примере описания фотографий способ воссоздания прошлого в «Воспоминаниях».

Теоретическим основанием для данного исследования являются книги Н.А. Николиной «Поэтика русской автобиографической прозы»⁸ и Т.М. Колядич «Воспоминания писателей: проблемы поэтики жанра»⁹. Так же используются различные статьи, посвящённые творчеству Анастасии Цветаевой и воспоминания о ней (см. библиографию).

В последнее время интерес к писательнице растёт, на что указывает не только переиздание её «Воспоминаний», но и появление книг, посвящённых ей, воспоминания уже о самой Анастасии Ивановне. Это, прежде всего, «Переписка А.И. Цветаевой и П.Г. Антокольского», «Встречи с Анастасией Цветаевой» Г.И. Медзмаришвили, книга Доброславы Донской «Анастасия Цветаева. Штрихи к портрету». И конечно, многочисленные публикации, очерки о встречах с этой удивительной женщиной в различных журналах и газетах. Несмотря на свой возраст, она обладала необыкновенной силой духа, поразительной наблюдательностью, ясной памятью. Не раз её называли последней представительницей Серебряного века.

Она встречалась и переписывалась со многими известными писателями и поэтами. Несомненно, что опубликование её дневников и писем (многие, к сожалению, не сохранились) станет большим событием в русской литературе. Её книги ещё только начинают приходить к своему читателю, и освоение её наследия во многом ещё впереди.

ОБРАЗ АВТОРА

Исходная ситуация, моделируемая в жанре автобиографии – это рассказ о своей жизни, как в слове отражается «мой образ меня самого. Какой характер носит представление о себе самом, о своём „я“ в целом...»¹⁰. Автор всегда присутствует в тексте, как описывающий субъект речи и как объект наблюдения (настоящее «я» созерцает прошлое «я» и воспринимает его как один из образов в общей картине воспоминаний). Пишущий становится творцом образа собственного «я», и тут автора подстерегает опасность «самовозвеличивания, идеализации того самого „я“»¹¹. В «Воспоминаниях» Анастасии Цветаевой удаётся избежать подобного, часто произвольного, самовозвышения во многом за счёт параллельного изображения Другого: «сестры-двойника»: «Но Муся, лицо которой я не могу воспринять отдельно от себя – родней, нужнее, неотъемлемее: это сама я, мы» (11). Индивидуальная целостность обеих показана в последовательном сопоставлении, самооценки тесно переплетаются с оценками сравнительными, выявляя общее или, наоборот, противопоставляя сестёр: «Обе в очках, русые, Марина – с подобранными по-взрослому напуском надо лбом, плотная, выше среднего; я – меньше и тоньше, с вьющимися до плеч волосами, но – как лошадки той же „породы“ – та же улыбка, те же глаза, тот же смех, тот же голос – этим сходством и упорством ходить вместе мы обращали на себя внимание гимназии» (368). При этом ни одна из них не возвышается, что позволяет устранить излишнюю мифологизацию и надуманность образа как Марины Цветаевой, так и Анастасии. В этом тексте можно говорить о своеобразном «двуединстве» авторского «я» и о постепенном болезненном расщеплении со своим «двойником» («Расставание с Мариной! Даже и сейчас я не верю. Это то, что не ложится в голову, не вмещается в сердце, что разорвёт его, вот сейчас <...> Кончена наша, вавоём, жизнь. Кончена!...» (427-429).

Одна Анастасия редко появляется на страницах книги, чаще всего это совместно-сравнительные действия, слова, жесты, пристрастия и оценки. Автор не только воспринимает и осознаёт своё прошлое, но и интерпретирует: выбирает то главное, что повлияло на её личность. И помимо матери именно их с Мариной «близнецовость» определяет многое в жизни младшей: «спамские близнецы», как не раз она назовёт их в тексте. И если строго рассматривать «Воспоминания», то они о «себе с Мариной рядом». Это особенно остро чувствуется во второй части книги, когда разные по возрасту девочки уже не проводят столько времени вместе, когда мать уже не так связывает их воедино. Марина отдаляется, у них появляются различные интересы (у Марины – литература, у Анастасии – философия), свои друзья и возлюбленные. И о себе в это время Анастасия Ивановна пишет всё меньше, возвращаясь в основном к тем эпизодам, где присутствует Марина. Заканчивается книга главой «Последнее о Марине», где Анастасия Цветаева рассказывает о попытках найти могилу сестры в Елабуге. Таким образом, «Воспоминания» посвящены именно тому периоду жизни автора, которую она провела с сестрой.

Для образа «я» в автобиографическом произведении очень значимы связи с Другими, расширяющие мир личности. Можно говорить о двух типах характеристик в тексте: собственные и сопоставительные.

Образ сестры – то близкое, что восполняет и с детства во многом определяет авторское «я» (следует отметить, что, скорее всего, это двойная направленность была характерна и для Марины: то есть на себя и Другого, в роли которого для обеих сначала была мать, а потом Марина выбирает себе героинко-трагических личностей). Написанное выше вовсе не означает, что младшая бездумно копирует или подражает поведению старшей. Нет! Образ авторского «я» во многом формируется из того, что автор пишет об их сестринстве, об отношениях между ними, от их сравнения. Прямых самооценок в тексте почти нет. Автор если и рассказывает о событиях, касающихся её одной, то оценку себя в них не даёт, чаще всего это – описание чувств, настроений, за которыми всё же можно угадать душу автобиографического героя:

тонко-ранимую, при твёрдой воле, словно противовес для дальнейшей жизни. Так, узнав о смерти Захаревского, с которым переписывалась и встречалась в детстве, Анастасия Ивановна пишет: «Я бы хотела знать, больнее поражает человека физическое ранение, чем душевно была поражена тогда я. Раненная, я металась от журнала – к Маврикию, Марине... Городок, городок над Окой, Таруса! Олес Захаревский. Мои четырнадцать лет!» (607). Но подробно о своих несчастьях автор не пишет. Сигнальным словом трудного душевного состояния выступает слово «тоска». Под конец книги это слово попадает больше в «словарь Марины». Не поддаваясь тяжёлым жизненным обстоятельствам, Анастасия Цветаева ищет гармонию и пытается создать её даже в хаосе тех дней. Приехав к Марине, она в первые же дни начинает убираться, раз-бираться в разрушенном быте, но Марине это *«совершенно не нужно!»* (641).

Такие сопоставительные описания можно назвать «окольными» самохарактеристиками, то есть в повествовании о каком-либо эпизоде, поступке, впечатлении, где фигурируют обе сестры, через их сравнение, мы делаем заключения о характере обеих, в данном случае нам важен характер автобиографического героя. Например, автор пишет: «Все... вещи, обожаемые нами, Муся и я делали мысленно <...> Это давалось с трудом: нам правилось то же самое, почти всегда!» (30), но если уступчивая Ася была менее требовательна, то в Марином чувстве была властность единичности – «мне открывалась особая стать Мусино чувства, не моя!.. Тень враждебности падала от её обладания – книгами, музыкой, природой – на тех (на меня), кто похоже чувствует. Движение оттолкнуть, заслонить, завладеть безраздельно, ни с кем не делить... быть единственной и первой – во всём!» (74). Автор не пишет о своём отношении, но лишь упомянув себя в скобках (не моя!), она тем самым позволяет читателям сделать вывод, что сама Ася была мягче, нежнее, более благосклонна к людям, ищущая их общения и умеющая разделять с ними своих любимцев. Об этом говорит даже само повествование о самом дорогом – о детстве, матери, Марине. Автор умеет делиться, умеет передавать своё очарование миром и людьми.

Учитывая, что для Анастасии Цветаевой важно рассказать не только о себе, а во многом – правду о Марине – в повествование вводит романно-биографический уровень, рассказ и интерпретация Другого, причём эта биография по значимости тождественна авторской (во всех других мемуарах автор, естественно, описывает и характеризует других, близких и далёких, личностей, но они всегда – лишь его окружение, а в центре остаётся он сам – автор).

Показанный двунаправленный способ самоосознания и самоинтерпретации (прямо на себя и себя рядом с Мариной) героя автобиографического произведения очень значим как для структуры произведения в целом, так и для жанрового определения «Воспоминаний».

ЖАНР «ВОСПОМИНАНИЙ»

Композиция текста кажется хронологической: действительно, автор соблюдает последовательность событий, точно отмечает год, месяцы, порой даже дни. Но при этом она либо обобщает несколько событий в одно, используя настоящее историческое время, либо переходит на более глубокий психологический уровень повествования, чтобы рассказать о личностном становлении, взрослении, тогда возникает эмоционально-ассоциативное повествование. Но это самоосознание, самопознание происходит рядом, во многом параллельно с Мариной, поэтому и о внутреннем мире сестры она повествует, как о хорошо знакомом. Таким образом, повествование усложняется, переходя в форму психологического романа: вводится иной герой повествования, возможно, главный герой. И автор-двойник этого героя ручается за достоверность своей интерпретации, как доверенное лицо в прошлом и тонкий психолог в настоящем. И жанр «Воспоминаний» близок к «авто-психологической» прозе, где тесно переплетаются автобиографический и психологический типы повествования.

Т. Колядич выделяет два основных типа мемуаров: собственно автобиографию и мемуарно-биографический роман¹². К «чистой» автобиографии «Воспоминания» отнесены быть не могут, так как наравне с описанием своей жизни присутствует законченное (!) повествование о жизни сестры, и цель, таким образом, написания – не просто рассказать о себе, но и о Марине, то есть появляются элементы жанра биографии, «художественного осмысления истории жизни личности»¹³ с предпосылкой этого жанра – признания значимости данной личности.

Мемуарно-биографический роман исследовательница определяет как «воспоминания с акцентировкой на биографии конкретной личности. Сам же автор «ведёт» повествование, открыто выражает своё отношение к тому или иному персонажу, событию, факту... Параллельно жизнеописанию главного героя развивается несколько романских линий, посвящённых судьбам связанных с ним героев... Они образуют фон и в то же время дают простор для авторской мысли»¹⁴. Анастасия Цветаева действительно «ведёт» повествование, и в произведении рассказывает о множестве судеб близких ей людей, и это можно назвать «фоном» основного жизнеописания. Но не является ли героем основного жизнеописания сестринство? Обе сестры? Представляется неправомерным говорить о жизненной линии Анастасии, автобиографического героя, или Марины, равного ему, как о «фоне». Мемуарно-биографический жанр кажется нам наи-

более правильным обозначением того межжанрового синтеза, что представляют собой «Воспоминания», лишь с уточнением, что романские линии, сопровождающие основное описание, могут служить не просто «фоном», но равноправным участником главной линии, если герой «такого романа» в сознании самого автора ему равен и обладает не меньшей, а порой большей значимостью для читателя.

Мемуарный жанр представляет собой повествование о событиях жизни социальной, политической, литературно-художественной¹⁵. При этом эпическое повествование о мире осложняется философскими вставками, элементами романа, документальными очерками о путешествиях (многочисленные описания городов Европы, Коктебеля), лирическими отступлениями вплоть до введения в текст стихов Марины, не просто в качестве иллюстрации творческих возможностей сестры, но как равноценно-полного описания происходящего. Но всё же для мемуариста главным является «реконструкция прежнего психологического состояния и процесс восприятия внешнего мира»¹⁶. Интерес литературы к психологическим состояниям человека изначален. Анастасия Цветаева, с юности интересующая философией, подробно исследуя собственный внутренний мир еженощно в дневниках, конечно, пристально вглядывается именно в мир сознания и о-сознания, раскрывает «диалектику души» автобиографического героя.

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЗМА

Жанр воспоминаний, начиная с «Исповеди» Ж.Ж. Руссо, обращён к внутренним пространствам человеческого сознания. Не случайно П. Антокольский сравнивает книгу А. Цветаевой со знаменитой трилогией Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность», где психологически внимательно исследуется становление души человека. Как известно, Толстой не раз читал «Исповедь» Руссо и во многом опирался на его открытия, а таковых было два: это «бесконечная дифференцированность душевных движений» и в то же время «их совмещённость», «противоречивое их сосуществование»¹⁷. Анастасия Цветаева, подобно этим писателям, показывает синхронную множественность мотивов поступка, различные импульсы, вызывающие его, «поток сознания», оформленный рационалистически, порой даже бессознательные душевные переживания (сон, бред во время болезни) появляются на страницах «Воспоминаний». «Она – яркая, волевая Личность, в которой талантливость видна невооружённым глазом, в ней – чуткая наблюдательность, проникновенное знание человеческой психологии...»¹⁸. Психологический анализ себя, своей сестры Марины, сводного брата Андрея, Лёры, близких друзей и случайных «попутчиков» автор производит с ласковой строгостью, внимательно и последовательно.

О Марине с детства: «Была в Марине с детства какая-то брешь в её соотношениях с дурным и хорошим: со страстью к чему-то в непомерной гордости она легко и пылко делала зло. Нелегко на добро сдавалась! Насмехалась, отрицала суд над собой. Но зато когда уж приходила к раскаянию, – то скупыми на вид, тяжкими своими слезами жгала свою вину. Помню и во всю жизнь потом – её лицо таких дней и часов: светлые, светлее обычного от заплаканности и мук застенчивости, глаза. Выражение отрешённости, отсутствия – среди тех, за обиды которых каялась. Словно прислушиваясь к чему-то одной слышному, что одной ей было непреложно». (90). И все наблюдения подтверждаются многочисленными ярко-выразительными примерами: любимыми книгами, выбором товарищей, собственными стихами Марины. Анастасии Ивановне удаётся показать, как появлялась, развивалась в Марине её известная непримиримость, воля, строгость к себе и другим. За ещё детскими увлечениями девочек скрывалось, как оказывается, внутреннее ядро, которое и определит во многом жизнь обеих.

Первые воспоминания Анастасии – яркая картинка солнечного дня: «от этого сверкания и синевы – чувство счастья» (10), следующее – первое выступление Муси: «тот вечер – в сердце каким-то цветением радости» (12). И потом различные модификации радости, счастья будут неизменно повторяться, и всё это будет в цвете! Цвет глаз, волос, одежды, неба, солнца, улиц – цветовая палитра Анастасии Ивановны необычайно разнообразна и красочна. Именно в детстве проявились её способности к рисованию, мама даже думала, что Ася станет художницей, предполагала, не отдать ли её в будущем в Строгановское училище. Возможно, в художнически-профессиональном взгляде таится секрет живописности её «Воспоминаний»: пристальное внимание к любой мелочи, которая превращается в значительность и необходимость. Характер Аси с детства – добрый, впечатлительный. Многие считают её слабой из-за многочисленных болезней и хрупкой внешности, но незлопамятность, природная весёлость и умение радоваться помогает девочке успешно преодолевать жизненные препятствия. Перелом наступает со смертью матери, отношения с которой были необыкновенно близкими.

«С первых лет мы начинаем разговор друг с другом и с мамой и с „А помнишь...“. У нас (и у мамы, должно быть) сосёт тоской по всему, что было, что живёт уже только в душе; что – „прошло“ ... Лирика началась с первого вдохнутого и выдыханного воздуха, с первого глотка, с первого звука, первого запаха, с первого осознания – „живу“» (31). То есть, «живу» значит «помню»! Можно было бы сказать, воспользовавшись научным термином, что Анастасия Ивановна живёт диахронически, храня в памяти мельчайшие подробности своей жизни и близких ей людей, причём в «близкие» включаются не только ныне, рядом

живущие/вшие, но и до-история её семьи: дедушка Мейн, его сестра (сказочно-гордая красавица, с которой ей предстоит встретиться, словно повернув время вспять), полька-бабушка с печально-карими глазами. Мать с детства прививала девочкам бережное, любящее отношение к прошлому, рассказывая им про семью почти романные истории несчастной любви Марии Бернацкой, польки-бабушки, показывая фотографии их прабабушки, вспоминая свою юность. Высота духа всегда подразумевает глубину, которая невозможна без хрупко-внимательного взгляда в прошлое. Нравственная личность матери становится примером для обеих дочерей, примером не только внутренне-напряжённой жизни, но и образцом поведения, общения в жизни общественной: «...именно жар был в наших отношениях с матерью» (45), «она нас не гнула, то есть не ломала; мы гнулись и выпрямлялись сами». (45)

Её молодая смерть омрачила юность девочек и навсегда осталась болезненно-надрывающим воспоминанием: «Огромная пустота пала на дом <...> Она навсегда осталась нам Матерью с большой буквы, без тени упрёка в её сторону. Обожаемой, стоящей над всем героизмом и той честью, с которой она вышла из боя с собою, из битвы между счастьем и долгом <...>. Это вело нас за руку десятилетия спустя в нашем бою с жизнью. Какая радость быть рождёнными от такого сильного и чистого человека, бескорыстно прожившего жизнь, как наш отец, от такой трагически, доблестно прожившей её женщины, как наша мать!» (241). В дальнейшем при знакомстве, сближении с людьми Марина с Асей степень близости будут определять именно «впусканием» другого человека в жизнь их детства, обе будут много вспоминать, рассказывать другим о матери, о себе-девочках: «полноценнее, счастливее детства, чем наше в Тарусе, я не знаю и не могу вообразить» (55), «каким маленьким земным раем это предстаёт мне теперь». (58).

С этого периода девочки меньше проводят времени вместе. «Ко мне она <Марина – О.В.> относилась теперь как к младшей, с появившейся далью взрослости отстраняясь от меня по возрасту (она очень росла, я – мало), она льнула к Лёре и её друзьям и мало бывала со мной. Реже теперь мы вдвоём вспоминали что-то из прошлого» (246). Интересно отметить, что и сестринская близость «измеряется» прошлым: реже вспоминать, следовательно, отдаляться. Прошлое оказывается той основой, что определит будущую душевную близнецовость, понимание с полуслова.

Одинокó проводит время Ася с единственными друзьями: цепным псом и полукотом; «радовали вечером синева неба, огоньки домов надо льдом залитого во дворе катка, маленькие коньковые победы» (244). Не догадывалась ещё Ася, что именно «маленькие коньковые победы» определяют её будущее. Или, может быть, это уловка автора, заглянувшего вперёд?..

Возрастное отдаление оказывается, конечно, временным. И уже осенью 1907 года наступает время, «когда Марина начала писать стихи о нас двух, посвящать мне стихи, когда нас стали, видя вместе, по-хожих – с той же улыбкой и тем же голосом, – звать „Сiamsкие близнецы“, хотя я и была худее и ростом ниже Марины. Её интернат кончился, мы теперь много бываем вместе» (259). К этому времени Ася, рано повзрослев, многое обдумав, пережив смерть матери, домашнее одиночество, поступление в гимназию, начинает вести постоянный дневник, куда заносит все наблюдения за день, чувства, мысли, воспоминания. И сама Анастасия Ивановна характеризует себя: «Наедине с Мариной я часто возраста не чувствовала, так кровно сходны были наши состояния, чувства, отношения к людям» (260).

Ася, как и Марина в то время, увлекается революцией, читает «Экономические очерки Баха», порой ведёт себя вызывающе, но это юношеское волнение в ней мягче и ласковее. Они с Мариной по-прежнему много времени проводят вместе, даже с появлением семьи, продолжают считать себя «близнецами». Но безоблачное счастье Марины резко контрастирует с одиночеством Анастасии. Их отдаление вырисовывается не только внешне (живут в разных домах), но и внутренне – Анастасия погружается в себя. Её юность – время первой любви, духовного взросления пристального самонаблюдения: «Есть ли время фантастичнее, беспокойнее юности? <...> И везде – соблазн, и везде – разлука, и всему (мука гордости) сомкнутые уста. И – не те слова! Целый день. Целую юность – слова-прятки, слова-завесы, слова-призраки, пока придут слова слова-признаки, названья вещей» (327). Стиль этих строк напоминает «Королевские размышления», первую книгу Анастасии Цветаевой. Эта книга – «большого одиночества и большого отрицания», «чувств безнадёжности и бесконечности», но несмотря на эту философию отчаяния, «в ней даже задорное, неповторимое обаяние бунтарского, талантливо отрицающего полёта в жизнь»¹⁹. Именно эти настроения можно назвать определяющими период 1914-1919 гг., до трагической смерти второго мужа Маврикия Александровича Минца и младшего сына Алёши. Про трудности, о невыносимости горя тех дней Анастасия Ивановна целомудренно умалчивает.

Три с половиной года они разлучены с сестрой, и при встрече выясняется, что «с какого-то перепутья Марина и я шагнули по разным дорогам – и ужели теперь не шагать по одной, как встарь?..» (642). Прямого ответа автор не даёт, но увеличившееся количество диалогов, многоточий, недосказанностей позволяет читателю самому догадаться: нет, как встарь уже не будет... И этот долгий путь «разделения», расхождения их с Мариной знаменует то, что Анастасия Ивановна, как и сестра, становится самостоятельной, Другой, Личностью, близкой Марине, но не тождественной: «уж скользнули какие-то разницы в наших голосах и движениях, в письмах рвавшихся только к сходству, настаивавших на нем» (617).

На этом моменте можно остановиться и увидеть, что формирование характеров двух сестёр эстетически завершено. Ничего нового в психологическом отношении о героях мы не узнаем: описаны главные 25-28 лет жизни становления личности, её вкусов, пристрастий и намерений, причём наиболее подробно рассказано о детстве, как о периоде, когда закладывались основы характера и души. Но если образ автобиографического героя остаётся «открытым», то жизнь героя-двойника показана в его целостности: трагическая смерть Марины дана не как случайность, а как понятное следствие тех жизненных правил, которые прививались с детства, окрепли в юности и стали основными в её отношениях с людьми и миром в зрелом возрасте. И наверное, одно из главных – это безудержность таланта и требовательность духа.

Подобное сюжетное построение образа человека и образа действительности сближает мемуары с психологическим романом (о чём писала ещё Гинзбург²⁰) или жанром биографии. Анастасии Цветаевой удалось показать не только процесс собственного внутреннего самоосознания, но и душевное становление сестры. И особенность её «Воспоминаний» заключается именно в этом *двойном изображении* «непрерывного потока впечатлений и реакций», которые «объединяются человеческим „я“, осознающим себя личностью»²¹. Внутренняя и внешняя жизнь обеих, их сближение, отдаление, взаимные интересы и расхождения позволили ей глубже заглянуть и в собственную душу, собственную жизнь, которая и становится объектом исследования, хотя явно эта тема не заявлена. Порой создаётся впечатление, что автора интересуют больше загадки характера Марины, их совместная схожесть, на чём она основана, где причины её распада, но всё же есть страницы, посвящённые целиком описаниям-объяснениям собственных поступков, желаний, намерений (это прежде всего, повествование о любовных переживаниях и философские размышления о природе человека вообще, о времени, истории и т.д.).

Приёмы, которые использует Анастасия Цветаева для психологически «индивидуализированного» проявления переживаний в их взаимосвязи, динамике и неповторимости²² те же, что и в романе: несобственно-прямая речь, обобщения, комментированное повествование, диалоги героинь. Она описывает переживания, связанные с восприятием природы и бытового окружения, с фактами личной жизни и духовными исканиями. Анастасии Цветаевой присуще эпическое приятие мира, когда все уровни равновелики и взаимопроницаемы. Поэтому даже окружающий предметный мир одухотворяется, поэтизируется. Отдельные предметы становятся символами прошлого, а Дом детства и юности персонифицируется в живого участника событий той поры.

СИМВОЛЫ ПРОШЛОГО

«Значимы для самоинтерпретации и описания окружавших повествователя в прошлом предметов...»²³. Эти описания – «открыто субъективны, часто оценочны и отображают индивидуальные особенности личности, своеобразие её взглядов на мир, воплощают силу его памяти о прошлом»²⁴.

Все рецензенты «Воспоминаний» отмечают необыкновенно богатый описательный фон произведения: Москва, Таруса, Италия, Германия – автор рассказывает не только о том, где и как жили, но и в мельчайших подробностях передаёт быт того времени. Возникает «особый сюжет исторически-конкретных вещей, интерьеров, городских и сельских реалий, подробностей хозяйственного и культурного обихода»²⁵. Некоторые вещные детали, любовно описанные, появляются в разные периоды жизни писательницы, становясь символами прошлого детства. Волшебные и загадочные, лейтмотивами проходят они через книгу, переплетаясь между собой, возрождаются в памяти, превращаясь в мифологемы – свёрнутые символические обобщения конкретных фактов. Таких мифологем-вещей детства три: мамыны шары (сопровожаемые порой и перламутровой раковинкой, но «...раковина была Мусина, шары – мои; затем мы менялись...» (31)), музыкальная шкатулка и панорама.

«...Голубые шары, три – как основа и на них четвёртый, и как ни верти их – всё так же: один сверху и снизу три – такие голубые, светлые, тёмные, такие глубоко голубые, что – синие, как мамино сапфировое кольцо. И такие тяжёлые и прохладные, точно их можешь пить, и потому, что никак нельзя, точно вода закодированная, их гладишь, и лижешь, и жмёшь, руками и глазами глотаешь» (31). Не случайно шары сравниваются с кольцом матери: они – её принадлежность, от неё – дочери, как завещание (при переезде Ася возьмёт эти шары себе, Марина – раковину). Эти шары сопровождали мамино чтение в детстве, они словно бы наполнены её голосом. Они – символ их тройственного союза, их времени-втроем (и шара – три!), колдовского и жаркого.

«Шкатулка: длинная, низкая, жёлтая... валик перекрыт серебром... он похож на один из голубых шаров на столе маминной гостиной: он также сияет тёмно-розовым посередине и вспыхивает тёмно-красным, почти чёрным, по всему ободку, как шар сияет голубым посередине и тёмно-синим, почти чёрным, по краям... только это очень маленькая музыка... похожа на мамыны рассказы о её детстве, – как будто эти звуки – давно» (59-60). Сравнив шкатулку с мамыными рассказами, автор дарит ключ к своему восприятию этих вещей – они из прошлого, но даже, или не только, их с Мариной прошлого, но глубже – из мамино, то есть это уже символ прошедшего милого детства вообще, семейного детства, генетически передаваемого. Потом появится ещё одна шкатулка, уже новая, которую подарят Андриюше, а он – сёстрам.

И интересно заметить, что если вначале девочки любили больше мамину, то потом, повзрослев, они включают в свой «пантеон» и вторую, новую, которая теперь становится знаком их детства: «Но нерушимую живёт и в моём и в Маринином сердце – наши, мамина и Андриюшина (он давно отдал её нам), музыкальные шкатулки, их золотистые и серебряные звуки... От них веяло нашим младенчеством и чьё-то не нашей, совсем другой юностью...» (330). Эти шкатулки Ася с Мариной будут заводить в тоскливые дни, когда вспоминается мама, когда лирическая грусть будет превращаться в невыносимое желание забиться, уйти в далекие, родные звуки.

И была третья драгоценность – волшебная панорама, которую девочкам мама показывала редко, в Рождество или большие праздники: картинки из Гофмана и Андерсона, Гауфа и Венеции, ночь-день – всё менялось по волшебству маминной руки, «панорама наставала, как приходит праздник, когда ему пора...» (62). Эти меняющиеся картинки, «волшебный китайский фонарь» – символ настоящего праздника, даже не символ, а непереносимое условие возникновения этого праздника, в будущем – сравнительное чувство ликования и радости.

Как значимую и, несомненно, важнейшую мифологему детства стоит упомянуть дом в Трёхпрудном переулке. Дом со всеми наполняющими его вещами, запахами, шорохами, комнатами, чёрными лестницами. Его описанию Анастасия Ивановна посвящает отдельную главу, где любовно проводит читателя по всем закуткам, гостинным, кабинетам, даже вид из окон не забыт! Думается, что современный архитектор без труда смог бы по её словам восстановить дом в его прежнем виде, настолько детально точно он рисуется. Дом – это иная реальность, иное пространство, противопоставляемое всему вне его. Внутри он иерархичен: верх – детский, низ – взрослый. И по мере взросления девочки (сначала Марина) будут переселяться в нижние этажи. А вот Андриюша, романтически-ребячлив, будет жить наверху, играя на мандолине и забавляясь с собакой. Дом – это и место прогулок, когда его стены расширяются и во времени пространственно: разговоры с Эллисом, Нилендером, Волошиным, подругами – через его комнаты, не на улице, а именно в доме. Судьба дома как живого, равноправного героя прослеживается в книге: девочки взрослеют, ищут новое место жительства, и Марина пытается найти похожий Дом! Ася подробно рассказывает о попытках (порой кажущихся удачными) обрести в новой жизни прошлое очарование детства, их Дома: «– Ася, всё решено! – сказала однажды в прекрасный день Марина. – Покупаем! Уже и сил нет искать дальше, но главное – мы нашли дом, который похож на Трёхпрудный! <...> Если эти комнаты увеличить в лупу – то будет Трёхпрудный!» (507-509). Правда, сама Анастасия сразу замечает несходство: если и похоже, то чуть-чуть. Она не обманывается мнимым повторением, не пытается в реальности обрести утраченное, она глубже, ощущениями воссоздаёт тот ушедший мир. Скоро и Марина заметит непохожесть и переедет... А дом в Трёхпрудном печально закончит свою историю в руках Анастасии, в 1921 году: «...я стою одна, став старьёвщиком, и роюсь в мусоре, древесной пыли, обломанных кусках кирпичей, подбираю – нашла один и другой – блестящий кусочек кирпича (снизу грубо рыжий, сверху – бело облицованный, с синей каёмочкой, обрывающейся...). Нет сомнения! Это – клочок нашей печки из детской <...> Бережно, как ювелирную драгоценность, кладу в карман два кусочка: один – Марине, другой – себе...» (645).

Вещь, в широком понимании этого слова, как часть неживой природы, становится, таким образом, частью внутреннего мира героев. Освещение вещного мира – возвышающе-поэтическое. Интерьер дома, предметы быта, любимые игрушки в детстве, шарманка, шкатулки, камешки, ракушки – всё одухотворяется (при этом – полное безразличие к одежде). Можно говорить об эстетическом отношении к вещам у Анастасии Цветаевой, когда быт и бытие переплетаются. Автор оказывается связан с вещами глубоко и радостно. И вещи, в свою очередь, приобретают функцию не утилитарную, а символическую – наделяются онтологическим и психологическим значением. Существовала не привязанность к вещам, а желание создать уют, уют среди них и с их помощью, а для этого непереносимым условием являлось – дух вещи, что с собой несли все эти карандаши, ножички, цветы, рояль. У них должна быть история, наполняясь историей, они приобретают в глазах сестёр неизъяснимое очарование, притягательность времени. Осознавали ли они тогда, насколько непрочным окажется их быт? Как быстро они его потеряют? Кажется, да... И в их стремлении сохранить прошлое, в их постоянных беседах о прошлом проскальзывает – «а помнишь?». Появляется грустная обречённость, лирическая грусть: всё пройдёт... (сколько этих «пройдёт» запишет у себя в «Дым, дым, дым...» Анастасия! Всё – дым, всё развеется). Но не только не проходит, чему в первую очередь служит доказательством эта книга, а оставляют свой «вещный знак», вполне реальный облик – фотографию. И любимый Дом сохранился именно там! «Фотограф прислал фотографии нашего дома! Радостно и немножко жутко глядеть <...> Взгляд вполз змей и, растворяясь в том воздухе, поселился в никогда уже небыточной комнате... вечно живой <...> И дом наш живет на фотографиях, чтобы мы везде, где будем, могли окунуть в них глаза, и вспоминать, вспоминать наши детства и юность, и сказать друг другу: „А помнишь?“» (463). Но фотография не только стимулирует процесс воспоминания, её функции в общем контексте текста могут быть рассмотрены намного шире.

«Воспоминания» Анастасия Цветаева начинает с описания исчезнувшей фотографии: «В моей памяти – унесённая жизнью фотография четырёхлетней Муси, двухлетней Аси. Большелобое, круглое лицо старшей, на котором вспыхивают мне *зеленью, в сером тоне фотографии*, глаза Марины, взрослый взгляд на детском лице, уже немного надменный сквозь растерянность врождённой близорукости. <...> А лицо рядом – младенческое, детские губы, своей мягкостью оттеняющие твёрдый, волевой абрис тех; волосы – чуть вьющийся пушок. Родственное сходство черт» (9). Уже на этой первой фотографии – зародыш, свёрнутый свиток всего повествования: сестры, их сходство и разница. Обозначены и основные черты характера: Марина – надменность перед враждебным миром, потерянности в нём, раннее взросление, трагическое осмысление себя уже тогда; и Ася: детский, радостный взгляд на мир, младшая, но по силе воли и твёрдости характера, как и Марина, – в мать. И здесь же может быть выявлен и основной приём, способ воспоминания: сквозь «серость» факта к цвету памяти. Чёрно-белая фотография не способна передать зелень глаз, но Анастасия Цветаева её помнит и словом воссоздаёт живую красочность и выразительность взгляда, которая не просто показывается, но осмысливается, объясняется психологически.

Описания фотографий неоднократно встречаются в тексте. Некоторые сохранились только в памяти автора, который расцветивает эти уже несуществующие или потускневшие от времени карточки удивительным чувством вневременья, ощущением причастности к людям, родовой преемственностью. Например, фотография прабабушки со стороны матери: «...глаза – преисполненный собой, рассеянный взгляд, заливающий всё, как река в половодье <...>. И не этот ли взгляд два поколения спустя цвёл на лозаннской фотографии Муси-Марины, в её 11 лет?» (28-29).

Фотография как вещественный документ прошлого позволяет говорить о документальной точности воспоминаний Анастасии Цветаевой. Но какими невзрачным и архивно-бесцветными могли стать эти описания «источников», если бы она художественно их не осмыслила, не так психологически верно передавала скрытые особенности застывшего изображения!

Фотография старшей сестры Валерии Цветаевой, Лёры предварила личное знакомство, и вот уже девочка на картинке и живая взрослая девушка сливаются в один образ – такой же далёкий и притягательно-нежный. Это совмещение двух планов очень показательное: оно демонстрирует и чутко-доверительное восприятие мира через предметы, и в то же время способность самостоятельного выбора, оценки через уже знакомое. И наоборот – фотография способна подтвердить то, что уже пережито, подсказать реальность происходящего (а для Анастасии Ивановны невыдуманность, «всамделишность» происходящего очень важна): «...фотография кабинетного размера <с В.А. Кобылянским – О.В.> осталась нам как вещественное доказательство яви тех дней» (131).

Уже в детстве Анастасия Цветаева ищет образы, постигая мир не только через слово, но во многом – через цвет (окрашенное слово! – великодушная зрительная память): даже сквозь пустоту белого яйца ей светится «какое-то волшебное изображение» (71), а цвет карандашей – «сияющий». А насколько красочно описание её калейдоскопа, сделанного своими (!) руками, как увлечённо маленькая девочка рассматривает по-новому расцветивший мир!

Ещё одна фотография, швейцарская, 1903 год: «Обе <сестры – О.В.> в широкополых соломенных шляпках, шурясь от солнца, смеёмся; у Марины чудесная полуулыбка, счастливое, застенчивое просияние <...>. Сейчас это фотография живёт *только* в моей памяти» (150). Выделенное «только» позволяет предположить, что именно это – причина подобного описания: желание сохранить утерянное, не дать кануть в Лету этой улыбке, этому *счастливому* дню. Автор воссоздаёт прошедшее мгновение, останавливает «бег жизни», скорость повествования, задерживаясь именно на счастливых, светлых днях. Трагические страницы своей жизни Анастасия Цветаева пересказывает скупо, бегло, простым перечислением фактов. Но радостные чувства, красивые слова, впечатления от пейзажей, городов она освещает подробно и с неповторимой ласковостью, оттого общее настроение книги – душевно-светлое, доброе, юное.

Почти в самом конце «Воспоминаний» на глазах читателя возникает ещё одна фотография, наверное, самая важная не только для самой Анастасии Цветаевой. Её создание – ключ ко всей книге, к секрету очарования этой прозой: «...я с вести о Мариной гибели начала увеличивать, в карандаше, пришедшие мне фотографии <Марины – О.В.> двадцати пяти лет в аметистовом ожерелье, <...> тридцати пяти лет в крупноклетчатом платье, <...> последняя – сорока шести-сорока семи с уже седой головой. <...> Я делала его <портрет с последней фотографии – О.В.> ночь напролёт и затем вновь и вновь дорабатывала, пока не ожили малейшие складки лица, образовавшие у глаз и у губ улыбку: любезную и страдальческую, застенчивую и тающую – может быть, и не улыбаются вовсе? Я работала – до темноты в глазах. Я не могла закончить. Оно всё оживало и оживало, лицо, оно втягивало мой взгляд. Я заставила себя отойти, потому что... что-то начиналось такое, что было уже на границе с волшебством?» (803-804). Как «мёртвые» фотографии оживают под рукой любящей сестры, так и биографически-сухие факты «оживают» под рукой художника. «Чёрно-белые», «неподвижные» картинки прошлого – будь то

люди, вещи или природа – волшебным образом «двигаются», как в детской панораме сестёр, причудливо меняясь, они «втягивают взгляд», создают новый мир отражённого прошлого, невыдуманного, но реально существовавшего и заново появляющегося перед глазами читателя. От книги невозможно оторваться!..

«Живая фотография» текста – принцип написания «Воспоминаний». Анастасия Цветаева документально верно воспроизводит свою и Маринину жизнь. Но под психологически-внимательным и любящим взглядом²⁶ её повествование превращается в интереснейший, эмоционально-яркий рассказ о живом контакте с постоянно изменяющейся действительностью. И книга её ценна не только как свидетельство об ушедшей эпохе, но и как пример причастного, взаимно-радостного отношения человека и окружающего мира.

*

Данная работа посвящена только одному, наиболее известному произведению Анастасии Цветаевой, её «Воспоминаниям». Сама Анастасия Цветаева свою прозу называла «рекой, текущей по долинам», для которой «закон отражения – явь»²⁷. Отражение «яви» прошлого в «Воспоминаниях» – не поверхностное, быстро промелькнувшее в быстрине реки, но – глубинное, обнажившее за прозрачностью воды-памяти удивительный «подводный мир» – душу писательницы.

В книге рассказывается лишь о первых 27 годах жизни Анастасии Ивановны (в приложениях – два эпизода более позднего времени о встречах с Мариной). Это время, когда человек формируется как личность, обретая то важное, что в дальнейшем составит основу его пути. На личностное становление автора огромное влияние оказывает присутствие сестры-«близнеца». Параллельно-сравнительно показано их развитие, отношение к миру и людям. Автобиографический и сопутствующий ему герой уравниваются в пространстве текста. Такое двойное жизнеописание (собственное и Чужое) нехарактерно для мемуарных жанров, поэтому можно говорить о жанровой модификации «Воспоминаний». Усиливается романно-психологическое начало в тексте: исследуется судьба героя (Марины) в «закрытости» его жизненного пространства, на страницах текста показаны и объяснены появление и развитие тех или иных черт характера, его целостность.

Своеобразие авторского «любовного» взгляда на мир отражают описания предметного мира прошлого, которые, будучи открыто оценочны, одухотворяются, наделяются историей и превращаются в символы ушедшего детства. Прошлое автор воссоздаёт на основе точных фактов и собственных наблюдений, по принципу «живой фотографии». Чёрно-белое прошлое под взглядом художника наполняется цветом и жизнью, превращается в увлекательный рассказ не только о своей жизни, но в индивидуальный урок приятия мира в его изменчивости и красочности.

Изучение наследия Анастасии Цветаевой только начинается. Мемуарное начало присутствует почти во всех её произведениях, было бы интересно выявить своеобразие каждого в контексте общего творчества писательницы, проанализировать стиль и композицию, творческий метод и систему «авторских архетипов». Особого внимания заслуживают ранние тексты «Королевские размышления» и «Дым, дым, дым...» как дневнико-философская проза, отправная точка размышлений писательницы о себе, окружающей жизни и отношениях с близкими людьми. Поэтому с уверенностью можно сказать, что освоение наследия Анастасии Цветаевой ещё впереди.

2004

Примечания:

¹ Цветаева А. Воспоминания. – Изографус, Дом-музей Марины Цветаевой. 2003. С. 877. Далее цит. по этому изданию в тексте с указанием страниц в скобках.

² Айдинян Ст. Предисловие / Цветаева А. О чудесах и чудесном. – М.: Фирма «БУТО-ПРЕСС», 1991. С. 8.

³ Цветаева А. Собрание сочинений. Том 1: Изд-во «ИЗОГРАФ» – М., 1991. С. 65.

⁴ Антокольский П. Проза и память (Анастасия Цветаева. Воспоминания. М. «Советский писатель», 1971) // Новый мир. 1972. № 6. С. 250-254.

⁵ Кударова И. Листья и корни / Звезда. 1976. № 4. С. 190.

⁶ Айдинян Ст. Предисловие / Цветаева А. О чудесах и чудесном. – М.: Фирма «БУТО-ПРЕСС», 1991. С. 5.

⁷ Урбан А. Память и лица (Анастасия Цветаева. Воспоминания) // Звезда. 1984. № 8. С. 203-206.

⁸ Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы: Учебное пособие. – М.: Флинта, Наука, 2002.

⁹ Колядич Т.М. Воспоминания писателей: проблемы поэтики жанра. Монография. – М.: Мегатрон, 1998.

¹⁰ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 351.

¹¹ Бердяев Н. Самопознание: Сочинение. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, Харьков: Изд-во «Фоллио», 1998. С. 251.

¹² Колядич Т.М. С.93.

¹³ Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под. ред. А.Н. Николюкина. Институт научной информации по общественным наукам РАН. – М.: «Интелвак», 2001. С. 90.

¹⁴ Колядич Т.М. С.93.

¹⁵ Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под. ред. А.Н. Николюкина. Институт научной информации по общественным наукам РАН. – М.: «Интелвак», 2001. С. 524.

¹⁶ Колядич Т.М. С. 49.

¹⁷ Гинзбург Л. Мемуары / О психологической прозе. – М., 1977. С. 231.

¹⁸ Айдинян Ст. С. 6.

¹⁹ Айдинян Ст. Первая книга Анастасии Цветаевой // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественный искания XX века. – Иваново, 1996. С. 155-162.

²⁰ «Мемуарные жанры... сближаются с романом, с ним не отождествляясь» / Гинзбург Л. С. 13.

²¹ Гинзбург Л. С.20.

²² Теория литературы: Учебник / В.Е. Хализев. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высш.шк., 2002. С. 211.

²³ Николина Н.А. С. 232.

²⁴ Там же.

²⁵ Урбан А. Память и лица. С. 204.

²⁶ «Вспоминать надо тех, кого любишь», – говорила Анастасия Ивановна.

²⁷ Цветаева А. Корни и плоды: О мемуарах М. Цветаевой / Звезда. 1979. № 4. С. 192.